

Александр Владыкин

Про Бултычку и его друзей

Александр Евгениевич Владыкин Про Бултычку и его друзей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648075

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы так устаём от повседневных дел, что забываем про то, что живём в сказочном мире, среди невероятных существ, рядом с живыми куклами и неизведанными мирами.

Глава 1

Город только начал просыпаться, сову на коньке крыши сменила горлица, и по всем улицам, над домами, в тёмных подземных переходах раздался громкий клич – Бултычка! Бултычка!

Бултычка проснулся, он привык просыпаться рано, когда ещё не рассвело. Вылез из картонной коробки – это была его спальня, в доме старого кукольного мастера. Мастер нашёл Бултычку среди мусора, в дорожном дождевом коллекторе, принёс в дом, отстирал, и с тех пор Бултычка живёт здесь. Мастер находит и реставрирует старые куклы, часто они бывают с оторванными ногами и руками. Этот раз ему попалась кукла, вся растянутая, как будто её специально тянули во все стороны. Раньше она была матросом, просматривались полосы на тельняшке. Мастеру было работы не на один день, он и заснул сегодня за рабочим столом. Бултычка пробежался по дому, поздоровался с домовым. У домового закончилась ночная смена, и он шёл к себе отдыхать в отделение камина. Домовой любил тепло и всегда был перепачкан сажей, в камине у него было жильё, куда огонь не доставал, и он мог беспрепятственно входить и выходить из своей квартиры и днём, и ночью. Домовой, когда увидел первый раз Бултычку, представился, как дядя Гриша, но это официально – для гостей, а так – Гришка для своих. Бултычку он сразу отнёс к своим, но из уважения, тот всегда называл его дядей Гришей, они делили с домовым не только день и ночь, но и обя-

занности по уходу за домом. Домовой любил порядок, всё должно соответствовать его принципам – всё должно лежать на своих местах. Он следил, чтобы в доме не заводились мыши, чтобы в холодильнике не было испорченных продуктов, чтобы тапочки и носки не убежали от хозяина, чтобы очки не валялись на полу. У Бултычки было работы меньше, но такая же ответственная – он ругался с воробьями, чтобы не шумели сильно под крышей, он помогал хозяину вдеть нитку в иголку и находил всё утерянное хозяином. Больше всего ему нравилось находить очки на лбу мастера.

Хозяин привык к присутствию Бултычки, это он дал ему такое имя, сам не зная, что оно значит. Бултычка не помнил, откуда он взялся, он не знал, что оно такое? Бултычка мог превращаться в кого угодно. В доме он был похож на игрушечного щенка, а вообще-то он любил превращаться в пробку, из-под шампанского. Как мастер определил, что в сливной канализации находится живой организм, не знаю. На то он и мастер! Так на свет появился Бултычка, а у Бултычки появилось своё жильё.

***

По городу мчались таксисты, они первыми разносили все городские сплетни. – А вы знаете? А вы знаете? Сегодня день благоденствия, с самого утра. Всё и везде бесплатно – и продукты, и лекарства в аптеках, проезд в городском транспорте. Ты заходишь в супермаркет, и выходишь затоваренный на неделю, и всё бесплатно. Это день благоденствия! На ули-

цах можно было встретить детей разных возрастов с куклами и машинами в руках, дети постарше несли видеоигры, и всё бесплатно. Весь товар окупится за год считали продавцы, только счастье не имеет прибыли, оно есть, или его нет. Какой валютой можно оценить блеск в детских глазах, задорный радостный смех ребёнка? Всё в наших руках, говорили таксисты, всё в наших руках – подтверждали родители, всё в наших руках – повторяли владельцы магазинов. Неужели мы не можем выделить день, чтобы сделать детей счастливыми? Завтра был другой день, похожий на листочки отрывного календаря с синими датами.

Бултычке нравилось гулять по городу – ночью, когда все спят, в окнах гаснет свет и дворовые коты заводят свои брачные песни. Домовой не любит, чтобы его видели, всегда прячется в тени, Пират, наоборот, специально постукивает деревянной ногой, вместо одной руки у него был крюк. Не знаю, где мастер нашёл Пирата, он отремонтировал его и повесил на специальный стеллаж. Пират хвастался, что он не простая кукла, а из театральных, раньше в спектаклях приходилось участвовать. Так, втроём, они и шли до ближайшего светофора. На обратном пути они встретили пьяного соседа мастера, он примостился на газоне. – Непорядок! Возмущённо пробурчал домовый. Пират постучал деревянной ногой, пытаясь разбудить пьяницу, а Бултычка принял свой любимый образ – белочки с рогами. Пьяницы боятся его, больше всего. Бедный сосед, открыл левый глаз, и сон пропал. Он под-

нялся, и нетвёрдой походкой, потопал к себе на второй этаж. Ему ещё долго снилась белая горячка с хромыми одноногими чертями, и улыбающейся белочкой.

К мастеру пришла внучка, Бултычка успел спрятаться. В прошлый раз она бант на шею завязывала и кормила манной кашей. Каша была горячей и солёной – совсем не вкусной. Этот раз она искала собачку, но не нашла. Девочку звали Маша, у неё было две косички и нос в веснушках. Маша сняла Пирата с вешалки и стала его пеленать, Пират аж позеленел от такой наглости. Маша всунула ему пустышку, чтобы сильно не возмущался и положила в детскую постель. У девочки всегда в карманах были различные аксессуары: то расчёска без зубьев, то губная помада, почему – то синего цвета, тени, румяна и ещё тысяча ненужных вещей. Маша никогда не скучала, она оставила пупса с деревянной ногой в покое, а себе нашла новую забаву – двух братьев близнецов. Бедные куклы, над ними смеялся весь местный кукольный бомонд: Маша решила превратить их в девочек, нацепив подобие платьев и разукрасив синей губной помадой, потом достала из карманов зеркальце и заставила кукол любоваться своей красотой. Ник и Юка морщились, но ничего сделать не могли. Так получалось, что у мастера не задерживались куклы девочки, их покупали в первую очередь, а на стеллаже находились те, что шли в торгах не очень. Закончила Маша зоопарком, у мастера собралось много кукол зверей: одних львов целых два штуки, были здесь зебры – целое стадо, был

жираф, слон, носорог, даже гиена была. Маша начала с того, что слона нужно научить летать, хорошо, хоть слон поролоновый оказался, иначе бы Маша добавила работы дедушке. Потом ей не понравилась шея жирафа – слишком длинная, она уже хотела укоротить её ножницами, но дедушка вовремя заметил, отобрал. Тогда Маша стала перекрашивать зебр, ей показалось, что полосатые лошади – это неправильно. Маша нашла акварельные краски, и стала закрашивать полосы. Мастер действовал по принципу:

– Чем бы дитя не тешилось ...

Он знал, что любая акварель отстирывается с порошком и шампуней. Лошади у Маши не получились, скорее зебры стали похожи на ослов. Бултычка не выдержал:

– Иа!

Маша так и не поняла, откуда звук. Наконец, дитё наигралось, и стала собираться домой. Как только захлопнулась дверь, Пират выплюнул пустышку, а Ник и Юка побежали умываться к мастеру. Бултычка подумал:

– Этот раз хорошо. Обошлось без манной каши, и снова принял домашний образ – кукольной собачки. Мастер потрепал у него за ухом.

Что делать, если у вас плохое настроение? И вы умудрились сутра встать не с той ноги? Когда плохой аппетит, здесь всё известно – надо посолить, поперчить, добавить немного специй. А вот с настроением – совсем плохо. От Бултычки попрятались все, даже мастер ушёл на улицу гулять. Бултыч-

ке надоело быть собачкой, он превратился в дракончика и вылетел в форточку, чтобы спустить пар. По пути ему встретились две вороны, они никак не могли поделить корку от хлеба, при виде неопознанного пернатого существа, вороны забыли про хлеб и бросились наутёк. Бултычке нравилось пугать, он заметил, что от этого у него настроение улучшается. Воробьи спрятались под крышей. Бултычка увидел мастера, он шёл по тротуару и нёс в руках большую коробку. В таких, обычно, поступают заказы на ремонт кукол. Бултычке стало интересно – что мастер несёт в коробке. Он поспешил домой, пока форточка открыта. Интересное дело – плохое настроение пропало, осталось на улице. Бултычка не забыл преобразиться, осталось дожидаться мастера. В коробке оказалась кукла девочка, такая красивая, но совсем слепая и голос у неё был, как у простуженной. Мастер покрутил куклу в руках, и положил на стол. Жаль, – подумал Бултычка, он знал, что заказы долго не задерживаются. День, два и коробка вернётся к хозяину. Сегодня у нас купили, почти весь зоопарк, в музей мягкой игрушки – есть такой при доме детского творчества. Остался один ёжик, у него что-то с колючками было не так, слишком мягкие и гладкие. Мастер решил его на дикобраза переделать. Через неделю ёжик перестал быть похож сам на себя, у него появилось что-то хищное, и колючки были, как настоящие – длинные и эластичные. Ник и Юка пристали к Бултычке с утра:

– Как тебе удаётся от Маши спрятаться?

Бултычка ответил честно:

– Не знаю.

Тогда близнецы попросили найти им убежище. Бултычка обещал переговорить с домовым. В камине кто-то чихнул. Бултычка внимательно осмотрел нагревательное устройство.

– Никого.

В камине опять кто-то чихнул.

– Ты кто?

Спросил Бултычка.

– Я Дымовой.

– А, почему я тебя не вижу?

– Я не видимый Дымовой. Бултычка задумался:

– В камине и Домовой живёт и Дымовой, они не братья случайно?

Дымовой рассмеялся и пропал, оставив Бултычку в глубоком раздумье.

Мастер доделал растянутую куклу, вместо матроса получился симпатичный мальчуган, со стильной причёской, татуировкой на спине, в свитере и модных брюках. На ногах были кроссовки. Задал мастер нам задачу, изделие висит на трепеле, а вы придумывайте ему имя. С каждым днём заказов становилось меньше, меньше посетителей стало наведываться в мастерскую, мастер реже оставался в доме. Два раза его увозила красивая машина с красным крестом на двери.

– В больницу, шумели соседи, мастер появлялся худой и жёлтый. Последний раз он привёз из больницы куклу, ста-

рого иранского волшебника, ему отдал её сосед по палате.
Говорит:

– Выкинуть жалко, рука не подымается, но и не место этому хламу в современной квартире.

Волшебник – это, наверное, была последняя работа мастера. У куклы была деформирована голова, скособочена шея, и взгляд – какой-то странный, кукла смотрела всё время вниз, как бы, интересуясь обувью. Изделие было старым, можно считать – древним, мастер очень бережно взял его в руки. Через неделю волшебника можно было не узнать, он стоял на стеллаже, в своих восточных туфлях с загнутыми вверх носками, в халате со звёздами и неизменным колпаком волшебников.

– О, салам алейкум! Благороднейший народ этой страны!

Поздоровался волшебник. Домовой, чуть с камина не свалился.

– Я, Ибрагим четырнадцать, по хронологии иранских астрономов, волшебник всех назвал по именам, новая кукла была – Толик, только на мне споткнулся. Он честно сказал, что раньше с Бултычками не встречался, он даже не знает, кому в голову пришло наколдовать такое. Мастер пропал, уехал в больницу и исчез, мы ждали его неделю, месяц, прошло полгода.

– Надо что-то делать.

Возмутился домовый.

– Наверное, на остров людоедов попал.

Сделал заключение Пират.

– Нет, он кукольник, живёт среди кукол, и сам похож на куклу. Мастер ушёл в страну кукол.

Я мысленно был согласен с Ибрагимом-четырнадцатым. Решено было искать мастера, может ему помощь нужна. Волшебник обещал нас перенести в кукольный мир. Прочитал заклинание, и «карамба» мы в волшебном кукольном мире. В поле пашет игрушечная лошадь, рядом с ней погонщик, из бывших солдат, с армейским ранцем и в парике. Мы идём по дороге – на мост, через реку, мост был, как нарисованный, по реке, у берега, вдоль камыша, плавали гуси – жирные, как в центре детского творчества, в реке серебрилась игрушечная рыба, похожая на карпов. Я оглядел своих спутников: все были на месте, кроме домового, он к дому привязан. Волшебник, интересно перебирая ногами, шёл первым, за ним хромал Пират, Ник и Юка семенили за Пиратом, замыкал нашу компанию Толик. Волшебник отвлёкся от дороги:

– Я забыл предупредить вас, что в кукольной стране теряет свои свойства волшебство, некоторые получают изменения внешности, некоторые что-то теряют, что-то находят.

Ребята всю дорогу смотрели на меня странно – как будто у меня выросли ослиные уши, плохо, что зеркала не было. Я заглянул в речку с моста, изображение стиралось, расплывалось. Мне кажется, что я вырос. У меня никогда не было желания быть похожим на человека, а в кукольном мире – я не знаю, на кого похож. Но ослиных ушей не было, точно

не было. За рекой было село, кукольное село, с кукольными домами, кукольными коровами, даже аисты на крышах были кукольными, а гнёзда у них свиты из папье маше. С нами здоровались встречные куклы, некоторые женщины были с младенцами. За селом были видны стены крепости и крыша замка, к ним тянулась длинная дорога, похожая на серпантин. Чем ближе мы подходили к крепости, тем больше народа нам встречалось на пути. Крепость стояла на горе, дорога петляла вокруг неё, наконец мост через вал, за ним ворота со стражей. Мы пришли. Стража потребовала плату за проход.

– Откуда?

У нас, отродясь ни копейки за душой не было. Старший стражник подвёл волшебника к воротам и показал царский указ:

– Страже позволено брать плату за проход шутками, танцами, всевозможными игрищами.

Волшебник сообразил. Он представил цирковой номер с пропаданием кукол. Окружающим и охране это понравилось.

– А как же запрет на волшебство?

Поинтересовался я.

– Какое это волшебство? Гипноз, иллюзия.

Ответил Ибрагим. Тогда и я рискнул, решил преобразиться в кролика, но что-то пошло не так, по смеху толпы я понял, что номер не получился. У меня были толстые ноги и короткие копыта, по запаху я понял, что вместо маленько-

го и пушистого кролика, преобразился в толстую безобразную свинью. Я испугался, что вечно останусь таким, поэтому преобразился в пробку для шампанского, а потом в кукольную собачку, так было привычнее. Мой номер вызвал кучу эмоций у зрителей, сорвал целую овацию аплодисментов, но стража была неумолима:

– Пропускаем всех, кроме колдунов.

Не знаю, почему они нас к колдунам отнесли? Ребята пошли за ворота, а мы остались перед стражей. Я разозлился, волшебник тоже – стоило такой путь проделать, чтобы торчать перед воротами. Волшебник загипнотизировал стражу, ненадолго, чтобы только нам прошмыгнуть за ворота. Своих мы встретили в очереди перед комнатой регистрации.

– Кто такие?

– Странники мы из далёких мест к вам пожаловали.

Пока всё складывалось слаженно.

– Цель вашего прибытия?

– Человека ищем, мастера. Ушел из дома и пропал.

Писарь усердно записывал каждый наш ответ. Он предупредил, что срок нашего пребывания в замке ограничен одним годом, его можно будет продлить решением царя. На площади перед замком была ярмарка, на ярмарке нам подсказали, где найти бесплатное жильё. Мимо промчалась карета, запряжённая четвёркой лошадей, все с почтением согнулись в поклоне.

– Его высочество принц – Румит семь.

– А почему Румит семь?

– Глупый твой вопрос, Бултычка, потому что царь – Румит шесть, а его отец – Румит пять.

– Тогда у тебя было тринадцать предшественников Ибрагимов?

– Неправильно ты всё понимаешь, Бултычка, совсем всё перепутал. Цифра – дополнение к моему имени, это совсем другое, это право старшинства. Только через четырнадцать человек я стану главой рода, и вся ответственность за его развитие и благополучие каждого члена семьи ляжет на мои плечи, но пока я Ибрагим четырнадцатый и у меня есть возможность набираться опыта.

Мы пересекли площадь и направились искать жильё. Оно было похоже на ночлежку, на троих человек комната, без условий, умывальник и туалет в коридоре, правда чисто, очень чисто. Есть даже администратор, которая успела сказать, что чистота и порядок поддерживается самими жильцами, сюда же включена влажная уборка коридора. На окнах даже штор нет, в первую же ночь мне луна все глаза выела. Возмущаться было бесполезно, бесплатно оно всегда такое – со сплошными неудобствами.

Глава 2

Администратор дала ясно понять, что в ночлежке не место животным, даже игрушечным. Им постель не полагается, и вообще, для собак есть отдельная ночлежка, и выгуливать их положено в наморднике. Ник с Юкой закатились, пред-

ставив меня в наморднике. А мне было не до смеха, я боялся опять преобразиться в свинью, тогда точно, всех нас вытуют из ночлежки. Преобразование получилось само собой, я никакого усилия не прилагал. Попутчики говорят, что образ более удачен, чем был, Пират сравнил меня с цаплей, которая стоит в болоте на одной ноге и ждёт, когда лягушка в рот прыгнет. Я не обиделся. Администратор не подала виду, что нас трое, без собаки, она давно привыкла ни на что не обращать внимания и ничему не удивляться. Мы опять добрались до площади, я сагитировал друзей пройти на участок крепостной стены, на котором не было стражи, лучшего места для осмотра не было. Мне было интересно, куда нас занесло? Со стены было видно всё – красота! Вдали виднелся ещё замок – другое царство, на верное? Вокруг крепости зелёные луга, с пасущимися на них стадами, поля с созревающими нивами, виноградники и обилие водоёмов.

– Всё это бутафорское, прошептал волшебник.

– Мы сами с тобой бутафорские, как конфеты, набитые деревом, вместо начинки. Копни внутри – сплошные опилки.

Волшебнику нечего было сказать. Мне самому было не по себе – очутится в кукольном мире, и всё это существует, всё это живёт! На площади был цирк, шапито, возле балаганов зазывали толпу, кассиры принимали оплату за билеты. Нас даже к вешалке не подпустили, требовали какие – то Румы, это местная валюта такая. Сам дворец находился в отдале-

нии от площади, в нём стражей было больше, чем на всей крепостной стене. Волшебник решил заработать эти Румы, стал показывать фокусы на площади. Это не запрещалось. Вскоре собралась толпа и посыпалась первая мелочь. Люди смотрели фокусы с удовольствием, только расплачивались – не очень. Волшебник сделал перерыв, мы пошептались с ним и совместили наши усилия. Я играл роль богатого зеваки, который дразнит артиста и старается не заплатить за работу, привлекая внимание окружающих. Волшебник, не прекращая своих фокусов, старается проучить наглеца, накинув на него накидку. Толпа содрогнулась от ужаса, когда накидка свалилась на землю, под покрывалом был осёл, настоящий осёл.

– Видишь к чему приводит бесплатный просмотр, говорила мать ребёнку.

И сразу посыпались деньги, много денег. У нас теперь не только на цирк хватало. Все участвовали в номере, Ник и Юко собирали деньги, Пират был вместо конферансье, только Толик был какой-то безразличный, что ли. Пират меня успокаивал – просто мы к нему не успели привыкнуть, а он к нам. Дайте парню время, и он проявит себя. Возле трибуны стал собираться народ, царский глашатай объявлял новый указ.

– Всем! Всем! Мужчинам, старше шестнадцати лет, но не старше тридцати, прийти незамедлительно на бал, устроенный в честь принцесс его высочества. Король Румит шестой.

Из нас, волшебник отпадал сразу же, мне, на вид, было

около тридцати лет, а перед нашей молодёжью двери дворца открыты. Я сбегал к трибуне, посмотрел на указ – всё мероприятие запланировано на завтра, до шести вечера. Смотри, кто –то и родственником короля станет. Ник с Юкой начали готовиться к балу, а Толику было всё равно. Мы с волшебником сходили на запись – трое участников и двое зрителей, болельщиков что ли? С балконов можно будет наблюдать за танцующими парами. Ник и Юка разучивали танцевальные па местного менуэта, беря консультации у администраторши. Девочек здесь, с самого детства обучают танцам. Толик смотрел на всё это с высока, он чувствовал, что у него другое предназначение и его не интересовал ни сам бал, он не стремился попасть в родственники к королю. Эта ночь была беспокойная, светила в окно полная луна, мне снились кошмары. Опять я видел во сне горлицу.

– Бултычка! Бултычка!

Кричала она. Я просыпался, а на дворе была ночь. Мне снился хозяин, как он любил трепать собачонку за ухом. Волшебник говорил, что он не видит мастера среди мёртвых, оставалось надеяться, что он жив и мы его найдём. Опрос среди кукольного народа ничего не дал, никто мастера не видел. Я проснулся поздно, уже солнце было над головой, мои спутники старались меня не будить. Пират говорил, что я во сне стонал.

Бал открыл сам король, все три принцессы сидели рядом с ним, на троне. Королева и два принца были на открытии

чисто символически. Выбор надо было делать принцессам, мать не хотела мешать, чтобы потом никто не обвинил её, а принцы ещё были малы, им не было ещё шестнадцати лет, мальчикам не было интересно на балу. Принцессы сидели важные, в тёмных масках. Не каждый раз открывают балы в их честь. Церемониймейстер дал сигнал для музыкантов, и праздник начался. Претендентов в родственники к королю, собралось не менее трёхсот. Начались танцы и начался отбор. Ник и Юка были душой компании, они старались не сбиваться с музыкального такта в танцах. Их отсеяли, они не прошли отбор. Анатолий, вообще не танцевал, к нему женщины липли, как мухи на мёд. Если честно, не пойму я женской психологии! Толик оказался в числе первых претендентов. Мы с волшебником ударили по рукам: из троих, один оказался из достойных. Было отобрано двадцать человек, то есть кукол. Не знаю, что случилось на собеседовании, но наш товарищ, чуть не лишился головы. Благо, что смертная казнь под запретом в кукольном мире. Толика, просто, забрили в солдаты, вернее в матросы. Я впервые увидел улыбку на его лице и узнал, что королевство Румита шестого – морская держава. Мы потом ездили к Толику в гости. На нём была новая морская форма, даже Пират позавидовал. Старший матрос Анатолий был счастлив. Может он только этого и добивался в жизни, чтобы вернуть свой утраченный имидж. Волшебник предложил ему возвратиться назад, в свой мир, с нами, но Толик отказался. Попросил лишь об одном:

– Встретите мастера, всё расскажите ему, он поймёт.

Прощание оказалось недолгим, мы так и не смогли найти мастера в кукольном мире, по всем городам разослали запросы. Никто никогда его не видел. Мы решили вернуться домой... а может мастер уже дома, а нас нет. Карамба, и мы опять в своей комнате, близнецы висят на вешалке, Пират забрался в свою коробку, я принял форму собаки, всё как было, только мастера нет за столом, нет и его очков. Волшебник сказал:

– Надо подумать. Если мастера нет в кукольном мире, значит он где-то есть. Но где?

Этот раз мы заснули в своём доме, на привычном месте. А как домовый был рад нашему прибытию! Он мне пол ночи спать не давал расспросами: а как там в кукольном мире? Хорошо, наверное. Утром я проснулся от знакомого крика – Бултычка!

– Думайте, друзья, думайте, куда мог деться наш хозяин? Первым, как всегда, ответил Пират:

– На острове дикарей, в виде сувенирного набора костей. Волшебник разозлился:

– Жив ещё мастер, ты слышишь, жив!

Ник и Юка совсем думать не могли.

– Может он потерялся, вышел из дому и потерялся?

– Правильно! Искать его надо в мире забытых и потерянных вещей.

Опять мы собрались в дорогу, карамба. Главное призем-

литься вместе, не потеряться по пути. Мир забытых и потерянных вещей – это куча приютов. Теряют всё, что даже нельзя потерять. Теряют совесть, память, жизнь, друзей. Одних животных здесь тысячи: рыбок, птиц, хомяков. Коты, так и живут на два мира. Теряют крокодилов, слонов, носорогов. Для собак уже места нет!

– Вас что интересует, молодые люди?

Из павильона выглянул старичок. Я смотритель отдела потерь. Волшебник назвал нашу причину:

– Человека ищем, мастера.

Смотритель отвёл нас в сад:

– Смотрите! Здесь у нас люди, и все мастера!

Мы полчаса ходили среди потерянных людей, нашего мастера здесь не было. Смотритель развёл руками:

– Больше заявок на сегодняшний день не поступало. У нас нет вашей потери.

Мы поблагодарили смотрителя.

– Не за что. Обращайтесь ещё.

Дома нас ожидал сюрприз: мастера привезла машина с красным крестом. Он после операции, успел побывать в коме. Мастера выписали из больницы, но он был ещё слаб, за ним закрепили четыре медсестры (одна из них дремала около постели). Куклы распределились по своим местам, один волшебник продолжал изучать карточку больного. Утром пришла смена. Я каждый раз убеждаюсь, что в каждой взрослой серьёзной женщине, живёт где – то глубоко, маленькая

девочка. Если никто не видит, она играет в куклы. Бедному Пирату покоя не было, да и Нику с Юкой доставалось, а я опять записался в наблюдатели, быть пробкой легче при женском присутствии. Домовой всегда был осторожен, а теперь стал вдвойне осторожнее. Каждое утро я думал:

– Все горлицы давно вывели птенцов и улетели на юг, а эта специально осталась, чтобы будить меня и половину города: – Бултычка! Бултычка!

Я услышал шум на кухне. Ко мне никто никогда не приходил в гости. В открытую форточку влетел воробей и сел на обеденный стол. Медсестра накрошила ему печенье, воробей взлетел к карнизу и стал чистить перья, потом взялся за крошки от печенья. Я поставил чайник. Воробей не дождался чаю, нашёл выход, чирикнул «Спасибо» и улетел.

– Хорошая новость будет в доме, если птица влетела в открытую форточку, заметила медсестра. Я понял, воробьи приносят хорошие новости, а вот вороны нет. Вечно эти каркающие воруют всё друг у друга. Я с самого утра ждал, когда придёт хорошая новость. Вместо нее пришла Маша с подругами, проведать дедушку. Они и забрали Ника с Юкой, больше я их никогда не видел. Если это хорошая новость, то какая тогда плохая? Остались мы вчетвером: я, Пират, волшебник и домовой..., а ещё дедушка, медсестра и целый чердак воробьёв. Волшебник у нас был на особом счету, он стоял на самом видном месте, только его никто не замечал. Это действительно старинная кукла, одна из медсестёр го-

ворила, что на чёрном рынке, за волшебника, можно десять тысяч долларов выручить. Начался весенний перелёт птиц, гуси, косяками, летели с юга. Они передали привет волшебнику, теперь он уже Ибрагим тринадцать. Пират захандрил немного: Меня никто не любит, поэтому никто и не забирает! Погоди немного, придёт Маша с пустышкой, моментом вылечит. За Пиратом пришли из ТЮЗа, есть такой театр для детей. У них из-за этой игрушки срывается премьера спектакля, они просили продать Пирата за любую цену. Медсестра сначала пошла в отказ – хозяин болен, под лекарствами, а потом позвонила родственникам, и пошла навстречу пожеланий театра. Куклу отдали под залог, сумму залога держат в секрете. Теперь всё зависит от мастера, вернее от его здоровья. Я уже не стал считать оставшиеся куклы – домовый не кукла, я – непонятно, что такое, остался один Ибрагим тринадцатый.

– Четырнадцатый, поправил он меня, Ибрагим четырнадцатый.

Хозяин очнулся и попросил еды.

– Значит пойдёт на поправку, сказала медсестра.

Мастера забрали в больницу летом, назад в квартиру он не вернулся. Волшебник сказал:

– Искать мастера больше не нужно.

У волшебника цифровая прибавка к имени, с каждым месяцем, становилась всё меньше, теперь он Ибрагим два. Нашу квартиру продали, волшебник ушёл за долги в ипотеку

дочери, а мы с домовым остались без жилья. Нет, нас пока, никто не выгонял, в квартире шёл ремонт, но перспектива была не ахти. Домовой говорил:

– Приедут новые жильцы, а у них – свой домовый. Два домовых в одной квартире не уживаются, хочешь, не хочешь, а жильё новое искать придётся.

Волшебник продолжал наведываться к нам в гости:

– Ещё немного, и сбудется пророчество. Исчезнут чары злой колдуньи, превратившей меня в куклу, много лет назад. Я снова стану человеком – Ибрагимом, сыном и внуком султана Персии. Колдунья оставила мне все мои знания, запечатав душу в оболочку куклы.

– А за что она тебя так?

Ибрагим не знал, в чём его вина.

– Зависть! Обыкновенная человеческая зависть. Колдунья завидовала моим знаниям, моей молодости, здоровью. Она была старшей женой отца, у неё никогда не было детей, и она завидовала всему.

Правительственная делегация из Ирана прибыла в город, им нужен был глава могущественного клана страны. Никто не обратил внимание, что в кармане у Ибрагима была обыкновенная пробка для шампанского. Домовой в Иран отказался ехать, из патриотических чувств:

– Пусть, хоть в сорочьем гнезде, либо на болоте у Лешего, зато у себя на Родине.

А я не нашёл своё призвание, как говорит Пират – смысл

жизни.

***

– Как тебе моя родина, Бултычка?

Бултычка так и не смог привыкнуть к новому образу волшебника – он стал такой большой, потемневший, волосатый и без своего костюма. Волшебник прочитал его мысли и заулыбался. В городе здесь хорошо, всё благоустроено, причудливая непривычная растительность. Здесь даже, воробы не такие. Дома странные, и люди шумные. Бултычка думал, что отдохнёт от горлицы, хоть выспится. Но, рано утром его разбудил противный высокий мужской голос.

– Кто это?

Спросил он у пустоты, из чайника выглянуло озорное лицо:

– Ты что, никогда муллу не слышал?

Бултычка не ожидал ответа, тем более от существа, живущего в чайнике. Он, конечно, слышал про джиннов, дивов, шайтанов.

– Ты кто, джинн?

Мордочка опять высунулась из носа чайника:

– Не-а, я его младший помощник.

– А имя у этого младшего помощника есть?

Малыш нырнул внутрь чайника.

– Вагиф, донеслось оттуда.

– А я – Бултычка.

Малыш выглянул снова, он хотел сказать, что таких имён

не бывает. Но промолчал, вовремя вспомнил, что Бултычка иностранец. Волшебник как стал Ибрагимом, то есть, человеком, совсем потерял свои волшебные навыки. Он перестал видеть волшебство у себя под носом, он даже не знает, угощая друзей чаем, что в чайнике живут различные существа. Всё равно, Бултычка благодарен ему за то, что дал мир посмотреть.

Вагифу было скучно в чайнике, он то и дело, выглядывал наружу, чтобы зацепиться за разговор с новым знакомым. Бултычка всё это видел, он сам затронул малыша:

– Младший помощник, а кроме тебя здесь ещё кто-нибудь есть?

– Конечно есть. На чердаке живут две пери, под минаретом – мой друг, учёная крыса оракул.

Я сначала уточнил:

– Что такое минарет?

А потом задал вопрос про оракула. Вагиф терпеливо объяснял:

– Минарет – это возвышение в мечети, для молитв. Каждое утро тебя будит мулла, который находится в это время на минарете. А оракул – предвидит будущее, анализируя прошлое и настоящее.

Мне стало интересно. Вагиф, а твой друг может узнать моё предназначение, мой смысл жизни? Вагиф обещал меня сводить к оракулу. Вечером двери в жилище замыкались, на двор выпускалась стая павлинов. Павлины охраняли жильё

не хуже собак.

– Пора!

Сказал Вагиф, и свечкой вылетел в открытое окно, я едва успел преобразоваться. Перед крысиной норой была дверь. Вагиф открыл её ногой. Крыса, звали Юсуф, он никогда не закрывал жильё.

– Кому не надо, тот пройдёт мимо, а кому надо, тот всё равно войдёт.

Правильная философия, подумал я. Крыс сидел за столом и пил чай, здесь все местные жители любят чай. На улице было жарко – больше тридцати градусов, а, у крысы, под землёй терпимо. Вагиф представил меня и передал другу мою просьбу. Крыс достал кристалл – обыкновенный магический кристалл, похожий на стеклянное яйцо, и начал выполнять пасы лапами. Я поначалу не верил в это колдовство, пока не утонул разумом в глубине этого кристалла. Я видел будущее, домового в театре юного зрителя, вместе с Пиратом. Пират был на сцене, раскланивался и принимал аплодисменты восторженных зрителей. Но только это было настоящее, далёкое, но настоящее. Потом я видел войну на море, Анатолий уже бравый моряк, командовал бомбардирами. Теперь я не знал: будущее это, или настоящее. Потом я увидел пирамиды, это был Египет, я в солнцезащитных очках смотрю на небо. Скоро начнётся буря, первые смерчи уже побежали по пустыне. Она утихнет на Синайском полуострове. Откуда я всё это знал? Крыса прекратила сеанс.

– Бултычка! В тебя вселился дух известного путешественника, это случилось ненароком, не специально, ты мог быть кем угодно – сигаретным окурком, оторванной пуговицей, но Слава Аллаху, он создал тебя похожим на всех. Твоё предназначение и смысл жизни – странствие по белому свету, с обязательным возвращением к своим друзьям.

Крыса очень устала, это пророчество забрало все её силы. Вагиф потянул меня домой.

–Покажи, как ты летаешь, попросил малыш, я опять превратился в дракончика.

– Неправильно всё это, ты летаешь с нарушением всех законов астрофизики.

– Не знаю, может неправильно, но у друга твоего крысы мы побывали.

Вагиф нырнул в чайник, он такой принципиальный, как домовый, даже в моём полёте «непорядок» увидел, сейчас сидит в чайнике, расчёты производит. Ибрагима я последнее время всё реже и реже видеть стал. У него огромный клан – около двух тысяч человек, живут в разных городах, и в разных странах. Одних только близких – более семисот, и о всех он должен заботиться, как старший. Люди Ибрагима есть и в парламенте, и в правительстве Ирана. Бултычка считал, что он в гостях, временно. Вот ознакомится со страной, с обычаями, с местным населением и можно будет дальше по миру. Теперь он знал свой смысл жизни. Он часто, по ночам, выходил на улицу, вспоминал прогулки с друзьями, до первого

светофора. Здесь он впервые увидел верблюда, он был таким гордым, как все жители Азии, верблюд с Бултычкой, даже разговаривать не стал. А ещё, здесь одна дорога, переходит в десяток дорог, заблудиться легко. Улицы – то широкие, то узкие, дома современные меняются стариной. Бултычка еле дорогу назад нашёл. Без гида он гулять больше не рискнул. Вагиф заждался уже его. Малыш не задавал лишних вопросов, если захочет, расскажет сам. А так светилось в его глазах любопытство – где был, что видел? Вагифа приучили к терпению.

Глава 3

Три дня болтанки в Аравийском море, Бултычка уже не знал, во что преобразится, пробка слишком лёгкая, его чуть в море не выкинуло, кирпич – тяжёлый, утонешь, и жди, когда найдут. Он превратился в паука, с клешнями, как у краба. Особо клешни хорошо получились, он перебрался в багажное отделение, уцепился за тюки, так и пережил шторм. Через три дня море стало успокаиваться, а перешли в Красное море – там тишь и гладь. По-моему, мы подплывали к Хургаде, там надо было сбросить часть груза. Матросы из Турции открыли люк в багажное отделение, и с такелажными крюками спустились в грузовой отсек. Увидев меня, они закричали и бросились прочь, особо суеверные свалились в воду.

– Шайтан! Шайтан – уенгеч!

Я нашёл осколок зеркала в кармане. Так и есть – забыл

голову преобразовать, она мне во время шторма, вроде и не нужна была. Бедные матросы, при виде паука с клешнями краба и с человеческой головой, что они могли подумать? Я, мгновенно, принял свой привычный образ – стал пробкой от шампанского. Через полчаса пожаловали гости: с фонарями, помповыми ружьями, один даже Коран притащил. Бригада борцов с нечистью, ничего не нашла. Над матросами начали подсмеиваться, особо, над искупавшимися. Я, незаметно высадился на берег, на первой же волне, для пробки из-под шампанского это не составляет труда. Хургада – это сплошные пляжи, меня и выкинуло на пляж. Пляж – это такое место, где жарят людей, вернее, вялят на солнце. Я преобразился в мальчугана, лет двенадцати, решил осмотреться на месте. Кого только здесь не было, кроме египтян. Я прошёл по всему пляжу, мне не понравилось. По пути, со мной поздоровался мангал, это ёмкость такая, на которой шашлык жарят. Я уже было настроился на разговор, но мангалу было некогда, днём в самом разгаре работа, вот вечером, приходи пожалуйста, поболтаем.

– Не часто одухотворённые вещи появляются в наших местах.

Я осмотрел себя, вроде всё на месте: ничего лишнего, и всё хватает. Мальчик, как мальчик, как он определил, что я вещь?

– Не задумывайся, я давно за тобой наблюдаю, когда ты ещё пробкой был.

До меня дошло, я свистнул, и побежал от мангала. Вечером хозяин убрал его, на пляже остались, только любители вечернего загара. Спал я под будкой спасателя, мне снился Иран, Вагиф, я даже Ибрагима во сне увидел. Он не узнал меня. Ибрагим так и не приезжал; Вагифа позвал хозяин в горы, понадобился он ему там. Мы попрощались с другом. Потом я оставил записку Ибрагиму, и вот я здесь. На пляже был стенд с картой Египта, человек, торгующий шашлыками, выставил другой мангал, и я со спокойной совестью, двинулся на попутках к Каиру. Это в старые времена собирались караваны из верблюдов, а сейчас, сел в автомобиль, и через шесть часов ты в Каире. Я научился цепляться к каждой машине, на заправке, приняв форму надёжного магнита. Каир – один из немногих мегаполисов, способных поразить своим величием. Мы въехали в Каир ночью, владелец транспорта задержался в пути. Весь город тонул в огнях, начиная с дорог. Светились указатели на разных языках, да и сами дороги были похожи на змей из живого огня, которые, хищно, старались поразить центр мегаполиса. Я устал крутить головой (если у магнита была голова). Глаза присутствовали во всех моих преобразованиях, кем бы я не был: пробкой, проволокой или магнитом. Впечатлений от ночного Каира было столько, что я не помню, как вырубился. Проснулся рано, прошмыгнул через щель в заборе..., и я на воле. Опять преобразился в мальчика араба, мне понравился этот образ: внимание не привлекает и ему доступен весь мир. Город та-

кой большой, я искал станцию метро, в голове отпечаталась карта Египта. Мне нужно было попасть в Гизу, именно в том месте были построены пирамиды. Ориентироваться в метро легко, туристы, едущие большими группами, отличаются не только речью, но и цветом кожи. Восемьдесят процентов из них едет в Гизу. Я увязался за китайской делегацией, уж этих, точно, не прельщают музеи в городе. Стоило ехать в такую даль, чтобы выслушивать гида о истории египетского государства? Все едут сюда, чтобы посмотреть на одно из чудес света – на пирамиды. Вслед за делегацией я тоже пошёл на выход. Пирамиды сразу бросаются в глаза, как их много! Я, вместе с делегацией шёл за гидом, поражает мощь строений, гид рассказывал, что древние египтяне применяли пирамиды для захоронений, их и строили для того, чтобы похоронить очередного фараона. Мне не верилось, первоначальное применение пирамид было другим – это был идеальный накопитель космической энергии, потом секрет был утерян. Люди, по привычке строили пирамиды, но нашли им другое применение. Китайцы фотографировались на фоне сфинкса, у него была душа, но он предпочитал молчать. Я выбрал время, когда не было людей, задал ему вопрос, про молчание. Он, с верха своей трёх тысячелетней мудрости, ответил:

– Неправильно поймут.

Мы зашли в одну из пирамид, все стены были разукрашены красочными рисунками.

– Язык фресок!

Сказал гид. Я смотрел на картинки, здесь всё, без слов понятно было. Все артефакты, найденные в пирамидах, могли жить и говорить, здесь даже камни умели разговаривать. Подумать только:

– Сколько Бултычек могло появиться за это время?

Но что-то пошло не так! Не сложилось у древних. В результате я один Бултычка – случайно рождённый. Я ещё три дня побродил по Каиру, плутал в старом городе, плавал на прогулку по Нилу. Мне надо было определиться с новым местом путешествия, мне откровенно понравилось видеть собственными глазами то, о чём читаешь в газетах и журналах. Сейчас техника не стоит на месте: есть и телевизор, и компьютер – всё для передачи информации. Только я вырос, в другой среде, и верю своим глазам больше, чем программам телевидения. У меня голова кругом шла: рядом была Африка – Алжир, Марокко, но меня тянуло в Грецию, благо она напротив Египта. Великой греческой империи давно не было, она осталась только в воспоминаниях, но памятники, надеюсь, остались. Через два дня я плыл на туристическом теплоходе, следующему по маршруту: Греция, Италия, Испания. Сбылась моя мечта: вместо одной страны, я увижу сразу три. В каждой своя история, живут разные народы, и природа отлична, и традиции. Первую остановку корабль сделал в Салониках. Засидевшаяся толпа хлынула в город. По графику, мы должны были провести здесь два дня, я смешался с пассажирами и прошмыгнул мимо стюардов, даже

преобразаться не стал. Город был небольшой, курортный, с удобной архитектурой. В таких городах невозможно потеряться. Не смотря на свою историческую древность, триста пятнадцатый год, до нашей эры, город выглядел современно, и только натыкаясь взглядом на полуразрушенные крепости, на развалины амфитеатра, начинаешь понимать, в какую древность ты окунулся. В самом центре Салоник находится белая башня, сейчас в ней находится музей города, рядом памятник Александру Македонскому – на коне, в полный рост. Очень много церквей и монастырей, в музеях полно статуй, до вечера мы не успели пройти и десятой части города, слишком плотный туристический график. Утром, в город вышло меньше половины вчерашнего состава людей, вечером корабль отплывал, люди просто хотели отдохнуть от экскурсий. Если честно, ничего нам Салоники в этот день не открыли, в этом городе родилось очень много знаменитых людей, оставим их имена на совести историков, меня интересовала архитектура и связь с тонким миром, мне не хватало общения, я искал, похожих на себя. Только в Салониках всё было мертво, осталась одна только история. Вечером корабль отчалил, второй остановкой был остров Родос, обошлись без высадки туристических групп, нам показали с корабля, где стояло ещё одно из мировых чудес. Это была статуя – Колосс Родосский, его разрушило землетрясение, он упал на колени, и долго пролежал в песке, зарастая илом и морскими ракушками. До нашего времени не дошло ни ма-

лейшего осколка. Мы стояли недолго. Через час корабль направился на остров Крит. Что мы знаем о Крите – это один из древнейших островов планеты, принадлежащий Греции. Вся история острова пронизана мифами: на острове родился Зевс, ставший главным греческим богом. Остров дал нам историю о Минотавре, красивый миф – о Тесее, победившем чудовище с головой быка, об Ариадне и её чудесной нити, выведшей Тесея из лабиринта. В действительности, путешествие по острову, было не так романтично, как нам представлялось. Туристы толпой ходили около раскопок, найденные артефакты были на реставрации, показали участок обвалившегося подвала.

– Это всё, что осталось от знаменитого лабиринта.

В музеях гиды пели соловьями, рассказывая историю острова, церкви, монастыри, только мало осталось от того величия, что было: нет минойской цивилизации, нет царей и влияния на политику ближайших государств. После острова Крит, осталась какая – то пустота в душе, ощущение, что у тебя украли, но ты не знаешь, чего. Я с сожалением покидал этот остров. После Крита корабль направился к Афинам. На ознакомление со столицей Греции было дано туристам пять дней. Я бесцельно бродил по городу, взгляд наткнулся на старину. Нет, следов Александра Македонского я не обнаружил, построенная им империя давно канула в Лету, но дух полководца незримо витал в воздухе, это чувствовалось в характерах афинян. Греки независимый гордый народ, им

есть чем гордиться. Меня, как ударило током, передо мной было неказистое старое восьмиугольное здание, похожее на водонапорную башню. От грани каждой стены исходил запах истории, я почувствовал это.

– Башня ветров, послышался старческий голос.

Я обернулся, передо мной стояла старушка, вся завёрнутая в ткань, напоминающую по цвету, греческие шерстяные платки. Старушка стояла на площади, перед башней, опираясь на палку. Время не пощадило даму, согнув её, некогда стройный стан.

– Агалия, представилась она.

Красивое имя. Женщина обратила внимание на то, что я заинтересовался башней:

– Обратите внимание, вверху на каждой из граней строения есть барельеф, каждый барельеф соответствует своему ветру и имеет название, а ещё на башне есть солнечные часы, а внутри, смонтированы водяные, правда они поломаны.

На башне был флюгер, в виде трифона, показывающий направление ветра, он сломался раньше, до нашего времени дошло только воспоминание о нём. Я поблагодарил старушку за информацию.

– Забыла, как тебя зовут, молодой человек?

– Бултычка, бабушка, Бултычка!

– Болгарин, или хорват, на верное?

Бабушка не дождалась ответа на вопрос, посеменила мелким шагом в сторону акрополя. Я удивился, как легко она

проходила около нагромождения плит. Время не щадит никого и ничего, эта башня, чудом уцелела, после набегов завоевателей. Я не люблю сравнивать города, каждый из них самобытен, но по объёму, Афины уступают Каиру. Больше ничего мне интересного не попало в моей одиночной экскурсии. Туристом быть хорошо, особенно с фотоаппаратом или кинокамерой, только глаза уже устали от памятников, соборов и мавзолеев, а туристические туры, подобные нашему, я признал вредными. Это когда за тридцать дней, ты стремишься познать много стран. Устаёт всё: организм, мозг, зрение, туризм перестаёт приносить удовольствие, а лекции гидов – в одно ухо влетают, в другое вылетают. Я молча побрёл на корабль. Если меня спросят, что я интересного видел в Афинах?

– Башню ветров.

– И всё?

– Вполне достаточно.

Корабль покинул греческие берега, по расписанию. Нас ждёт Италия. Туристическая программа по Италии урезана, до восьми дней, с посещением всего двух городов – Неаполя и Рима. Да, хотелось бы побывать в Венеции, Милане, в Вероне, Генуе, Флоренции, но – другим разом. В Неаполь мы приплыли вечером – вполне современный город, от старины мало что осталось, вот проплывали Помпеи, там всё, как на картинах средневековых мастеров, даже Везувий такой же – коварный и опасный, как и все, из действующих вулканов.

В Неаполе нам запланировали два дня, так что, любители побродить под землёй, обследовали все местные катакомбы, я присоединился к группе туристов, которые увлеклись архитектурой и росписью местных храмов. Возле итальянских церквей можно ходить часами, независимо от вероисповедания, они построены с любовью, с тем уровнем мастерства, который присущ только итальянским зодчим. Внутри, можно было встретить картины известнейших мастеров, эпохи возрождения. Настенная живопись имеет свои тонкости, на ней явно выражен объём и чёткость контура, в полутёмном помещении храма, картины выглядят, как живые. Время и войны отложили отпечаток на постройках: многое было отреставрировано, многое построено заново, под старину, но это было выполнено мастерски, и на общем фоне совсем не заметно. Туристы потащили меня к оперному театру – Сан Карло, это одно из старейших зданий Неаполя, никто не знает, через сколько восстановлений ему пришлось пройти. На корабль вернулись все довольные, туристы продолжали обсуждать увиденное, листали проспекты с достопримечательностями Неаполя. Любители футбола остались в городе, на матч между «Наполи» и «Миланом», стюарды ожидали их прибытия. На следующий день, туристы разбились на группы по интересам, любителям вкусно поесть в Неаполе явно не повезло. Здесь совершенно разучились готовить, вся технология основана на быстром приготовлении пищи – лишь бы желудок натолкать, хоть чем: макароны, спагетти всё идёт

в ход, меняется только состав соуса. И вино здесь особое, оно трамбуется всё то, что попало в желудок. Я слушал изливания старого толстяка, и мне стало жалко гурмана. У меня тоже возникает проблема с едой, когда я преображаюсь в человека. Живой организм – его питать нужно. Сегодня я остался на корабле, поздно ночью отплываем в Рим. Мы проснулись, корабль стоял – это были морские ворота Рима. Утренние процедуры, завтрак, подошли автобусы и всех туристов выгнали на берег, почти принудительно. Капитан объяснил это санобработкой корабля. До Рима было недалеко, километров двадцать пять, мне показалось, автобусы не успели тронуться, как нам нужно было выходить. Центр Рима был забит такими же туристами, со всего мира, этот город был так популярен! Кого только здесь нельзя было встретить: мусульманок в хиджабах, индианок в сари, японцы предпочитают современный стиль одежды, русские ходят тоже без шуб и шапок, евреев, как и цыган сразу определишь, во что бы они не оделись. Изредка можно было видеть шотландцев в килтах, американцев с нарисованными улыбками. Японец улыбается для того, чтобы скрыть то, о чём он думает, американец – родился с улыбкой, она служит ему, чтобы скрыть, что в голове появились мысли. Наши провожатые решили проблему с поселением в гостиницу, и вскоре мы наслаждались прохладой кондиционеров. В коридоре гостиницы был огромный бильярд. Я проходил мимо, когда услышал, как переговариваются шары. Но при моей попытке на-

ладить контакт с представителями тонкого мира, они замолчали.

– Это тебе показалось, Бултычка!

Успокаивал я себя. Честное слово, до этого, я галлюцинациями не страдал. Насильно мил не будешь, значит им не скучно, и они в общении с посторонними не нуждаются. Рядом с бильярдом стояло огромное старинное зеркало, в дубовой оправе. Мне показалось, что кто-то подмигнул мне из зеркала, как бы приглашая в гости. Знаю я эти фокусы, ещё Ибрагим, будучи куклой, говорил, что из зазеркалья возвращения нет, очутишься, кто знает где. Зазеркалье – это портал в чужой мир. Я ушел в свой номер, недружелюбная здесь публика. У туристов, всё не как у людей, они даже в туалет ходят по команде. За командой на завтрак следует команда на выход, и народ, гуськом, спешит на улицу. До центра города было полчаса пешком, от гостиницы, гиды даже этот отрезок пути, превратили в информационное поле. В Риме всё ценно, всё исторично, каждый глухой тупик мог рассказать вам свою тайну.

– Перед вами вилла Боргезе, распинался гид, я искал эту виллу, оказывается вилла Боргезе это парковый комплекс.

Местные привыкли к тому, что в Риме деревья соседствуют с античными скульптурами, для нас это было дико, мы сами, как варвары застывали перед каждым изваянием.

– И что? Это настоящее?

На табличке написано, что статуя изготовлена до нашей

эры. Эпоха возрождения. Гид устал отвечать на наши вопросы.

– И что? Это вот стоит просто так, открыто, на улице?

Гид кивал, не раскрывая рта. Всё это конечно охранялось, я заметил кинокамеры-регистраторы и приборы наружной сигнализации. Так мы, не спеша и двигались в сторону центра. Глаза не успевали фиксировать понравившееся, заинтересовавшее тебя, здесь этого было так много, что, разочарованно, приходилось убеждать себя:

– Ладно, потом досмотрю!

Архитектура Рима настолько совершенна и прекрасна, что никогда не подумаешь, что эти здания возведены несколько столетий назад. Нам не дали полюбоваться центром города. Туристов погнали к Колизею. Побывать в Риме, и не увидеть Колизей! Кошунство. Одно из семи новых чудес света! Амфитеатр, даже своими развалинами, продолжает привлекать народ. Сколько крови пролилось в его стенах? Хлеба и зрелищ! Народ приходил в Колизей повеселиться, народу нравилась чужая смерть. Бои гладиаторов чередовались с травлей животных, а иногда – человек выходил против хищника, и всё это было увязано с тотализатором, осталось угадать, кто выйдет живым из поединка – человек или зверь. Из Колизея можно было выйти богатым, а можно было выйти нищим, как последний плебей. В Колизее была видна реставрация, но такой большой объём сооружения. Столько ещё работы! После Колизея всё кажется таким мелким, не

достойным внимания. Нет, надо отдохнуть от впечатлений, уж слишком большой отпечаток отложил Колизей на психику. Гид понял это. В гостинице я освободился от образа юнца, с чересчур большим воображением, превратился в пробку. Единственно чего боялся, чтобы меня не нашли и не выкинули в мусор.

Глава 4

– Бултычка! Ты что тут делаешь?

Меня в преображённом виде мог опознать только Пират. Я повертел головой, кукла сидела в автобусе, на котором висела табличка – реквизит театра. Автобус стоял напротив нашей гостиницы. Водителя не было.

– Пират!

– Бултычка!

Я закидал друга вопросами. Их театр был на гастролях в Италии, но всё хорошее кончается, завтра домой.

– Как ты? Как домовой?

– Не волнуйся ты так, Бултычка. Всё у нас хорошо, я выступаю перед публикой, домовой живёт в театре, в будке суфлёра, у него там своя квартира:

– Ночью работает, а днём отсыпается, никто, никому не мешает. Домовой сейчас не домовой – он театральный. Ждёт меня с гастролей. Ты то как?

– Да вот, видишь, путешествую.

Я ему вкратце успел рассказать про Иран, Ибрагима. Но появился водитель, и от автобуса остался лишь мокрый след.

Я даже не заметил – на улице начался дождь. Рим – это вечный город (его так называют), находится на семи холмах, очень красивый и большой, Римом можно любоваться вечно. Шесть дней пролетели, как один. Пора собираться на корабль, график экскурсий жёсткий. Столица Италии осталась за бортом, а нас корабль увозил в Испанию. Это была конечная точка нашего маршрута. Первым городом на нашем пути была Барселона, это уже в Испании. Я посмотрел график экскурсий, в Испании нам предложено посетить прибрежные города: Валенсию, Севилью, Малагу, экскурсия в Мадрид, по желанию. Туристы уже устали немного от экскурсий, от монотонных лекций гидов. Уже не было того ажиотажа, когда корабль приплывал в порт новой страны. Надо отдать должное, Барселона мало чем отличалась от того, что мы увидели раньше, архитектура была другой, более готической, и люди – нахмуренные и молчаливые, в сравнении с итальянцами. – Это потому, что здесь живут каталонцы, нашёлся один из знатоков. В целом, нас здесь никто не задевал, местная публика привыкла к туристам. По развалинам и музеям уже никто не ходил, обошлись магазинами и сувенирами. Если честно, на корабле было интереснее, чем в Барселоне. На следующий день никто не вышел на берег. Капитан чётко выдерживал график маршрута: следующая была Валенсия. Это один из древних городов Испании, основан ещё до нашей эры, прошёл через множество завоеваний, и мировые войны не обошли Валенсию. Следы истории сначала, на ложились

друг на друга, потом стёрлись более поздними временами. Остался собор святой Марии, в нём и хранится святой Грааль. Только ради чаши, туристы спустились на берег. Не мешало немного размяться. Людей на улице было мало, зато в храме – негде было яблоку упасть. За это время, пока шла служба, я много узнал о чаше, и то, что многие её считают не настоящей, и то, что она треснула, её уронили на пол, и потеряла свои волшебные свойства. Я разделил пессимизм верующих:

– Не было у Иисуса драгоценных камней и денег на ювелира, чтобы украсить чашу.

Я покинул храм, на корабль возвращаться не хотелось, я бродил по набережной, мимо ресторанов, кафе, зазывающих вывесок, бил бордов с игроками местного клуба. Мне нравился этот город – просторный, воздушный, чистый. Пахло морем, за всё путешествие, я впервые почувствовал запах моря. В Валенсии какой-то особый прибрежный бриз, воздух насыщен ионами морской воды, с йодом. Я не мог надышаться, хотелось увезти его с собой, как память о море, о Валенсии, о этом путешествии. Корабль остановился в порту Севильи, мы только проснулись. Я выглянул за борт – море пропало, мы находились в русле огромной реки – Гвадалквивир. Перед нами была Севилья. Я бы назвал этот город – городом башен, храмов и фонтанов. Ещё очень много площадей, и на каждой туристы из других стран. В Севилье мы были недолго. Мне интересно было наблюдать, как корабль возвраща-

ется в море. Незабываемое зрелище. В Малагу корабль прибыл вечером. Я уже был наслышан о этом городе от юных дарований в составе команды туристов. В этом городе родился Пабло Пикассо, и его музей, с подлинными шедеврами, находится в этом городе. Он писал картины в современном стиле, я не совсем понимаю их, но всё равно – интересно. Одна «Герника» чего стоит. От молодёжи только и слышно было: гений современности, основатель кубизма. Не знаю, может благодаря саморекламе, но в музей пошла вся группа туристов нашего корабля. Действительно, великий человек! Я переходил от полотна к полотну, проникаясь его духом, философией. Лично на меня Пикассо произвёл огромное впечатление, может быть я тоже неформал? Мне кубизм художника был ближе некоторых форм современной живописи. Дорога домой, если Каир считать своим домом, я подводил итог экскурсии. Как я устал! Мы все устали от дороги, от излишка впечатлений, от непрерывного потока информации. Раньше я мечтал Индию посетить, а теперь ничего не хочу. Хочу домой, в родной город, к своим друзьям. Никогда не думал, что путешествовать трудно. Я решил, как только прибудем в Каир! Домой, и только домой! При входе корабля в порт, произошла заминка, работники спецслужб явно кого-то искали, не меня случайно. Я преобразился, и вовремя! Искали «зайца», не сходилась баланс оплаты, да и компьютеры вычислили лишнего человека на корабле – это был мальчик, лет двенадцать, предположительно араб с негроидными

ми чертами лица. Никто не знает, в какой каюте он жил, где спал, что ел, никто не знает, кто его родители. Спецслужбы перерывали весь корабль, а по причалу, в это же время, шёл старик с шотландской бородкой, удаляясь от порта. Найти самолёт в Россию, это дело техники: только чартерных рейсов в Каир из России, десятков за день. Я выбрал самолёт, и чтобы никому не мешать, превратился в пустую бутылку из-под нарзана. У лётчиков насчёт мусора строго. К концу дня я был в Москве, а Москва – это Россия, а в России мой дом. Мне привычней добираться на перекладных, приходилось только корректировать направление. Это похоже на автостоп, но гораздо сложнее. В свой город я попал на третий день, ночью. Осталось найти этот ТЮЗ. Домовой, услышав мои шаги и голос, выскочил на улицу.

– Бултычка!

И в слёзы. Никогда не думал, что мой друг такой сентиментальный. Он потащил меня в театр, в суфлёрную, там лавка была с секретом, домовой открыл дверь, под лавкой было его жильё – комната в комнате. Домовой поставил чайник. Было поздно, я валился с ног, друг что-то рассказывал, но я уже крепко спал, уснул прямо за столом. Утром, всё было наоборот – домовой спал. Пират на гастролях, догадался я, театр наполнялся зрителями. Я не стал преобразаться, выходить из комнаты, боялся напугать суфлёра. Я не знал, что в кукольных спектаклях суфлёры не положены. У артистов всегда есть возможность посмотреть текст. И вообще,

весь процесс работы с куклами был отлажен до автоматизма, для зрителей все куклы были живые. Я смотрел спектакль прямо из своей комнаты. Зал реагировал на возникающие кульминации. Мне особо близка была игра кукол, ведь я вырос в их среде. Сразу нахлынули воспоминания: Толик, оставшийся в кукольном мире, Ибрагим, погрязший в своих родственниках, обязанностях, мастер... Пират приехал через неделю, немного отдохнёт дома, и снова на гастроли, такая жизнь артиста – всё время в пути. Со временем я освоился, и уже не плутал по театру, домовый нашёл мне униформу технического работника, и я, без боязни быть обнаруженным, мог ходить между зрителей. Я знал, когда кукол сменяют люди, и появляется необходимость в суфлёре. Суфлёр выполнял свою работу и был настолько увлечён спектаклем, что не обращал внимания на появившиеся брелоки и пробки. Там, в зрительном зале, я и встретил Элис. Элис не была куклой, но и человеком тоже. Ей удалось сбежать из какой-то секретной лаборатории, судьба привела её в ТЮЗ. Она дико осматривалась по сторонам, выискивая врагов среди юных зрителей. Элис впервые услышала детский смех. Как это всё не соответствовало их учебным программам. Этот мир был непривычен для неё. Но странно – он ей нравился. Элис не была роботом, её нашли уже такой. Элис тоже могла преобразаться, но только в людей. Это была родственная душа, девушка не знала, как она появилась на свет. А имя? Она сама придумала для себя. Жильё для Элис мы нашли в кла-

довке для поломанного реквизита, рядом с гримёрной. Девушка навела порядок и пригласила всех на новоселье. Я её познакомил с домовым и Пиратом. С Элис жизнь в театре пошла веселее и насыщенней. На третий день появились люди в чёрных костюмах, с приборами. Элис призналась, что у неё были татуировки, поставленные ещё в лаборатории, особый фон рисунка и привёл спецслужбы в детский театр. А, я, то думал, что-то быстро они на нас вышли. Пришлось Пирату применить свои связи, там, где делают тату, с успехом их убирают. Знакомый Пирата художник, был человеком с вымыслом, он смог убрать не только татуировки, но и материал из чего они сделаны. Он нашел и вторую татуировку у Элис – на пятке. Люди в чёрных костюмах неделю терроризировали зрителей, пока не посыпались жалобы в министерство культуры. У Элис была только одна слабость, присущая многим женщинам: если она меняла облик, то старалась поменять всё, начиная с причёски, заканчивая одеждой и обувью. Её комната, в кладовке, была завалена дамским аксессуаром. Чего здесь только не было: от браслетов и цепочек, до перчаток и зонтиков. Элис ходила по магазинам, и брала то, что ей понравится. Я так и не смог объяснить девушке, что за всё нужно платить в этом мире, всё стоит денег.

– А что такое деньги?

Спрашивала она. Её философия была проста:

– Если ей нравится вещь, и она может её взять, то зачем ей деньги?

– Но, так же, нельзя! Скажи, ну зачем ты с витрины ювелирного магазина сняла платье с бриллиантами. Я понимаю, что оно красивое, сверкает огнями рампы. Полиция третий день разыскивает преступника, не оставившего следов. А если найдут?

– Не найдут. Я верну платье.

Город был в шоке, платье стоимостью в пятизначную цифру с остатком, украденное на прошлой неделе, снова появилось в ювелирном магазине на прежнем месте, и опять, никаких следов. Я предупредил Элис, что не нужно будет приборов, её вычислят люди в чёрных костюмах и так, если она не прекратит эти выходки. Не знаю, дошло ли что-нибудь до подруги? А ещё Элис тоже любила путешествовать, её прельщали дикие места: Таймыр, Байкал, Дальний Восток. Не часто, но мы вырывались на пару недель. Элис готовила документы, по технологиям обучения в специальном центре. Я так до конца и не понял, к чему её готовили, но что она одна такая там была, это точно. Для Элис приходилось билет покупать, так что «зайцем» ездить досталось мне. Однажды, на Дальнем Востоке в тайге, на Элис вышел голодный тигр. Тогда я впервые увидел свою подругу с другой стороны – она не испугалась, не побежала с криком о помощи, она превратилась во взведённую пружину, всё тело девушки сгруппировалось, глаза лениво следили за каждым движением кошки. Не сомневаюсь, любая попытка атаки со стороны тигра, закончилась бы его смертью. Зверь прочувствовал это. Нет, он

не отступил, он прошёл мимо, удаляясь в тайгу. Элис почти час приходила в себя, расслабляя организм. Их, оказывается, и этому готовили. Элис была оружием, а ей хотелось быть человеком. Хорошо, что она контролировала себя и поддавалась влиянию. Иной раз с ней было очень трудно, но в целом она была весёлым жизнерадостным существом. Элис часто приходила к нам с домовым, в будку суфлёра, ей нравилось смотреть спектакли, она даже плакала иногда, от избытка эмоций, ничто ей человеческое не чуждо, только мы не люди, мы – не знаю, что. Не ведаю как, но Элис познакомилась с Юлей. Юля – актриса, работающая с пиратом, замечательный человек, полная противоположность Элис. Наверное, это и сблизило их, чего с избытком было в одной, того не хватало другой, и наоборот. Я боялся, чтобы Элис не испортила подругу своим характером, она хоть и была меньшей в этом тандеме, но кто знает, на какой фабрике её выпустили. Первым, Элис познакомила меня с Юлей. Начитанная романтичная девушка, она не знала с кем связалась. Нам с Элис приходилось прилаживать титанические усилия, чтобы удержать в тайне своё происхождение. Ведь мы для Юли были хуже инопланетян, и так похожи на людей. Юля была бы в шоке, если бы узнала, что её кукла-марионетка может разговаривать, а по ночам любит гулять с друзьями по пустым улицам. Современные девушки не верят в домовых, а леший при их виде у клуба, испугался так, что до сих пор нос в городе не показывает. Друзей завести легко, трудно их уберечь

от неожиданностей. Всё открылось само собой, Юля зашла к суфлеру, и заглянула в нашу комнату. Увидев спящего домового, девушка спросила:

– Это кто?

– Домовой.

Ответил я.

– Настоящий?

– Фальшивых домовых не бывает:

– Самый, что есть, настоящий.

– А почему он спит?

– Домовой работает по ночам, покой театра охраняет.

Юля задумалась, для неё это была информация из фонда Нонсенс. Нужно время, чтобы всё осмыслить, не каждый день молодой девушке приходится в сказку окунаться, она поднялась на сцену и пропала за кулисами. Меня Юля сразу в хорваты определила, по имени – Бултычка Вучечич, звучит? Правда я в Хорватии никогда не был. Интересное имя мне придумал мастер. Прибежала Элис:

– Ты Юлю не видел?

– Ушла.

– Куда ушла?

– Не знаю. Увидела домового спящего, и ушла. Элис зависла:

– Так он под защитой, даже когда спит, невидим.

– Значит забыл защиту включить.

Элис побежала искать подругу. Юля сидела в гримёрной,

перебирая нехитрый кукольный реквизит. Она бросилась навстречу Элис:

– Представляешь! Мне Бултычка спящего бомжа показал. Говорит, что домовой. А я поверила!

Элис обняла девушку:

– Разве этим мужчинам можно верить? Вечно придумают такое, что ни в одни ворота не влезает.

Элис была рада, что закончилось так, а домовому надо втык дать, чтобы не забывал защиту включать перед сном. Досталось всем, мне в первую очередь, чтобы дверь в комнату домового закрывал. Домовой, как услышал, что его спящим увидела дама, засмутился, покраснел.

– Надо новое жильё искать.

Он нашёл жильё, в течении двух дней переехал, но только, никому его не показывал. Домовой приходил в гости очень редко, и то – по ночам. Пират уставал на спектаклях, похудел, спектакли выжали его, как лимон. Он тоже приходил ближе к полуночи. Снова собралась старая добрая кампания, мы гуляли вокруг театра до двух часов ночи, отдыхая от всех неурядиц. Я снова превратился в собачку. Было так хорошо! Юля с Пиратом уехали на гастроли, домовый не появлялся. Мы с Элис собрались на природу, где ни будь поближе, с рыбалкой – на Волгу или на Оку, там ещё рыба водится. Я ратовал за Астрахань, Элис больше Плёс понравился, кинули жребий на спичках, я, как всегда, проиграл. Элис

запаслась рыболовными снастями, я занялся организацией билетов для дамы. Почти все поезда приходят в Плѣс поздно вечером, нас это не останавливало, наоборот, добавляло адреналин в кровь. Попутчики попались разговорчивые, и все, почти, рыбаки. Они посоветовали место для рыбалки: не в Плѣсе, а немного не доходя, в Миловке. Правда эти места браконьеры облюбовали. Мне раньше с подобным зверем встречаться не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.